

Осмысляется феномен региональной школы – сложившихся условий городского ландшафта, проектирования и практики строительства центра послевоенного Севастополя. Целостность ансамблевой застройки центра Севастополя – характерная черта облика города. Многие послевоенные здания вошли в число памятников наравне с античной археологией и сохранившимися старинными постройками. Коллективные и зачастую малосогласованные усилия архитекторов разного творческого почерка и опыта привели к созданию целостного архитектурного образа. Композиционное единство этой архитектуры сегодня под угрозой исчезновения на фоне интересов коммерческих застройщиков. Если не принять во внимание ее ансамблевость как базовый принцип, свойственный зодчим – выпускникам разных архитектурных школ, работавшим в разные стилистические периоды, мы потеряем это ценное качество.

Ключевые слова: послевоенное восстановление; советская архитектура; неоклассицизм; архитектурный ансамбль; модернизм; региональные особенности архитектуры. /

The article considers a regional school phenomenon, including the context of the urban landscape, design and development of the center of post-war Sevastopol. The integrity of the ensemble development of the center is a typical feature of the city's appearance. Many postwar buildings were included in the list of monuments together with the antique archeology and the remaining ancient structures. Collective and often poorly coordinated efforts of the architects with different creative traits and experiences have led to the formation of an integral architectural appearance. The compositional unity of this architecture is currently in danger of extinction due to the interests of commercial developers. We may lose this valuable quality if we do not take into consideration the ensemble character of this architecture as a fundamental principle used by the architects-representatives of different architectural schools who worked in different stylistic periods.

Keywords: postwar reconstruction; Soviet architecture; neoclassicism; architectural ensemble; modernism; regional features of architecture.

Севастополь: целостность ансамбля / Sevastopol: the integrity of the ensemble

ТЕКСТ

Елена Овсянникова
Николай Васильев /
text
Elena Ovsyannikova
Nikolai Vassiliev

*Памяти архитектора Адольфа Львовича Шеффера
(1924–2020)*

Введение

Высокое качество послевоенной застройки центра Севастополя, создававшейся представителями всех архитектурных школ страны в разные стилистические эпохи, очевидно. Архитектурный облик центральной части города ценят не только профессионалы, но и широкая публика, но до настоящего времени наследие центральной части города не рассматривалось как целостное явление, требующее изучения и осмысления. Причиной этого был, в частности, закрытый статус (с 1965 года) города – военно-морской базы. Даже в материалах V съезда Международного союза архитекторов, прошедшего 20–27 июля 1958 года в Москве, Севастополь не упоминался в числе пострадавших и заново отстроенных городов СССР и Европы¹. Сегодня важнейшая задача – сохранить его уникальную и целостную послевоенную архитектуру путем исследования и популяризации, реставрации, текущего ремонта, а также щадящей реконструкции. Главное тут понимание ценности его в целостном ансамбле – результате работы сотен архитекторов и десятков проектных контор со всей страны, выработавших в процессе возрождения города из пепла своеобразную региональную школу. Трудность состоит не только в попытке увидеть общую картину в исторической перспективе, но и в насущной необходимости способствовать сохранению ансамблей в их подлинности.

Понимание уникального в своей целостности исторического ядра Севастополя – кольца улиц и площадей вокруг Центральной городского холма, отчасти улицы Гоголя и застройки Корабельной стороны у Малахова кургана – предполагает выработку и соблюдение как минимум общих градостроительных регламентов, высотных ограничений, общих охранных зон и т. п. Это позволит возродить во многом те же принципы ансамблевого подхода, которыми руководствовались архитекторы послевоенной эпохи: соподчинение всех элементов застройки продуманной концепции общей городской панорамы, разверток улиц, внимание к морскому фасаду, учет композиционных осей, пешеходного, транспортного и зеленого каркасов.

Казалось бы, недавно принятый документ «Историческое поселение г. Севастополь» должен гарантировать это, как и обширный список объектов культурного наследия, в который вошло множество зданий послевоенного времени, а не только самые древние сооружения и памятники археологии комплекса Херсонес Таврический (хотя на их фоне советская архитектура могла оказаться в тени). Важно развеять ряд ложных представлений. Прежде всего – миф о стереотипности всей архитектуры СССР 1940–1950-х, как и периода модернизма 1960–1970-х годов. Авторские версии неоклассики в широком ее понимании – от строгого неоампира, ориентированного на образцы школы Матвея Казакова, до насыщенного «густыми» деталями неоманьеризма и необарокко и вышедших по существу еще из конструктивизма сложных асимметричных компоновок. Как будет видно, строгие ограничения, во многом ведущие к редукции художественного языка, в том числе благодаря соблюдению жестких градостроительных регламентов, приводят к появлению широкого спектра индивидуальных версий, вместе образующих единую региональную школу, школу не обучения, но практики.

Мифы и факты

Архитектуру 1930–1950-х годов, даже созданную вне политически ангажированных проектов главных зданий (таких как дворцы Советов в Москве и других региональных центрах), как правило, противопоставляют более демократичной архитектуре 1920-х – первой половины 1930-х годов, которую идеализируют, не учитывая, к примеру, характерные для нее социальные концепции широкого контроля общества над личностью (обобществление быта и т. д.) и другие радикальные установки.

Искренний пафос стал подоплекой многих помпезных форм конца 1940-х – 1950-х годов, и он вовсе не был навязан сверху, а сформировался в результате «...эйфории от Великой Победы, от набирающего темпы восстановления и развития страны и, в частности, в сфере строительства с торжеством советской архитектуры, высоко вознесенной на пьедестал, как теперь ее называют «сталинской архитектурой», – с которой Ему не стыдно было бы вместе со всем советским народом войти в мечту

1. См.: Строительство и реконструкция городов. 1945–1957: материалы V съезда Международного союза архитекторов, прошедшего 20–27 июля 1958 г. М.: Госстройиздат, 1958. В книге представлены по три города от Германии, Болгарии, Китая, Кореи, Дании и других стран. От СССР подробно говорилось о восстановленных после боевых действий и бомбежек Киеве, Минске, Сталинграде, Запорожье, Калинин, а также были представлены Москва, Ленинград, Ташкент, Ереван, Ростов-на-Дону, Псков, Магнитогорск, Сталинск, Новая Каховка, Рустави.

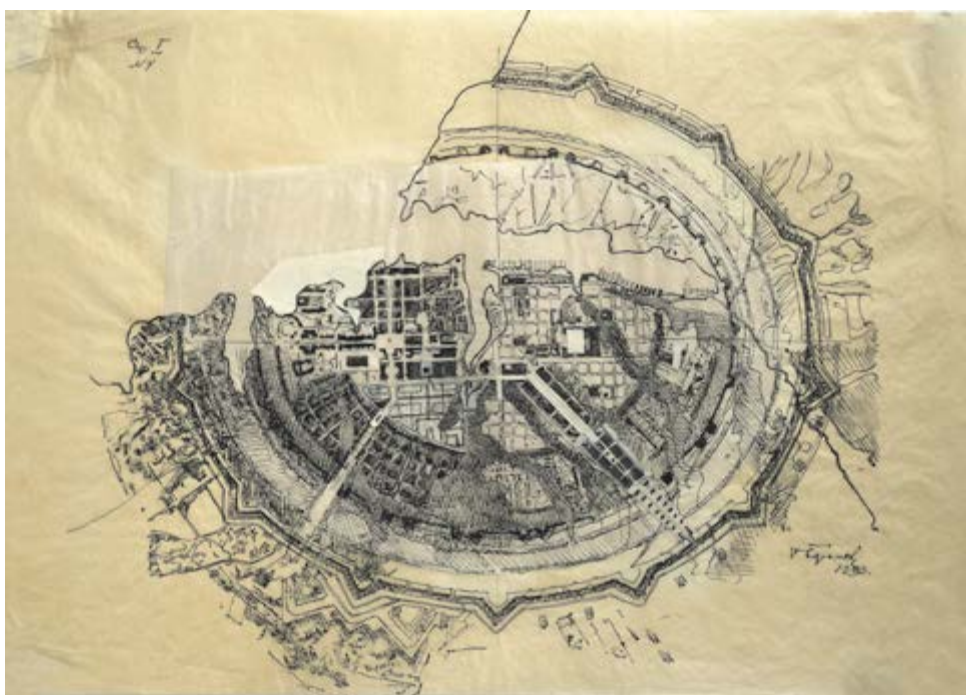
> Генеральный план Севастополя. Конкурсный эскиз.
Арх. М. Я. Гинзбург. Осень 1943. ГНИМА им. А. В. Щусева

человечества – коммунизм. Коммунизм – и сараи?! Где человек человеку друг-товарищ и брат-сестра, независимо от национальности, веры, пола и внешности, т. е. цвета глаз, кожи и волос. Но на практике это у И. В. Сталина не очень получалось – кто-то был ровнее, титульнее, с более правильным носом, а кто-то – космополитичнее, классово враждебнее – и это при всеобщем равенстве – и могло навешиваться, как ярлычок, на человека и было смертельно. <...> Но Архитектура могла светлый образ коммунистического будущего уже нарисовать и сейчас, сегодня – зримо, великолепно и даже – помпезно! Это всему народу очень нравилось...» – пишет старейший зодчий Севастополя А. Л. Шеффер, работавший в городе с 1950 года [1, с. 19–20].

И для такой архитектуры была соответствующая подоплека – контекст и среда (сами термины появились в архитектурной мысли гораздо позже). Классицизм главенствовал во вкусах высшего офицерства Черноморского флота еще в середине XIX века – в период строительства города и восстановления его после Крымской войны. Неслучайно отдельные памятники той эпохи были в 1950-е годы бережно включены в новую городскую ткань Севастополя и отреставрированы.

На этом фоне бытует и миф об отсутствии целостных детальных проектов застройки больших кварталов Севастополя, якобы все ограничивалось принципиальными нереализуемыми схемами «пришлых» столичных мастеров, а проработка панорам застройки архитектурных ансамблей, его силуэта и морского фасада и принципы размещения доминант и ориентиров появились «сами собой». Однако именно в Севастополе не только неоклассические сооружения 1940–1950-х годов, но и здания эпохи советского модернизма были созданы на удачно выбранных местах, они выигрышно смотрятся с дальних расстояний или, наоборот, стали фоном для созданных ранее шедевров отнюдь не случайно, а в результате напряженного труда и редкой концентрации творческих сил в одном месте. Будучи на своем месте, и новые общественные здания, и мемориалы обеих оборон Севастополя, и рядовая застройка символизируют связь времен и развитие города в ногу со временем [2, 3].

Противопоставляют также неоклассику и «демократичной» архитектуре периода оттепели конца 1950-х – 1960-х годов, при этом внешне выразительные и тектоничные ордерные формы 1940–1950-х годов нравятся широкому кругу людей, не интересующихся рассуждениями политологов об архитектуре. Во многих городах бывшего СССР (да и колоний западных держав) постройки в ар-деко и неоклассике с успехом играют роль исторической архитектуры (будучи при этом младше столет) (см., например [4]). Однако уже прошли те времена, когда краеведы пытались описать только дореволюционные и довоенные здания Севастополя, не замечая вторичности многих их архитектурных решений [5]. Более сложная ситуация с произведениями периода советского модернизма. При этом надо сказать, что сразу же после освобождения города в нем работали крупные мастера

^ Генеральный план Севастополя. Конкурсный эскиз. Арх. Г. Б. Бархин. Осень 1943. Музей Московской архитектурной школы при МАРХИ

> Вид на Театр имени Луначарского и Центральный городской холм с запада. Фото Н. Ю. Васильева. 2019

> Схема планировки Центрального городского холма Севастополя в рамках конкурсного предложения. Арх. Г. Б. Бархин. Осень 1943. Музей Московской архитектурной школы при МАРХИ

2. За исключением ряда объектов, в том числе мемориала на площади Нахимова, выстроенных по проекту И. Е. Филалко, сыгравшего важную роль в восстановлении Сталинграда и потому не попавшего в «первый призыв» архитекторов Севастополя.

3. Роль ее в советской архитектуре до сих пор не описана и тем более не осмыслена.

А. И. Гегелло, М. П. Парусников, Л. М. Поляков, Л. Н. Павлов и др., а лучшие модернистские постройки создавали здесь уже не они, а зачастую менее именитые крымские и украинские зодчие, и их произведения до сих пор остаются в тени².

При оценке качества постройки как потенциального объекта культурного наследия, помимо ее возраста, большую роль играют имена авторов проектов, исторических зданий, для чего должна быть привлечена солидная архивная база. Комплексному сохранению архитектурных ансамблей Севастополя мешают и иные мифы. Например, об авторстве зданий, которые приписываются только ленинградским зодчим или, наоборот, только московским. Есть и иная тенденция – противопоставлять творчество ленинградцев и москвичей, как и принижать роль бакинцев, киевлян или харьковчан.

Требуется также профессиональная характеристика архитектурных ансамблей, начиная от генеральных планов кварталов и проектов благоустройства дворов и скверов и заканчивая анализом специфики каждого такого комплекса, созданного по единому проекту силами конкретного коллектива. Но и об авторах ряда уникальных зданий до сих пор многое остается неизвестным, а применительно к массовой застройке, даже такой разнообразной, как жилые дома 1950-х годов, бытует миф о ее типовом характере. Однако даже выстроенные с типовыми секциями жилые дома имеют уникальные угловые элементы, и их архитектура адаптирована к горной местности (и видовые характеристики, и конструктивная часть). Неслучайно такие секции разрабатывали не только в Москве, силами мастерских Академии архитектуры СССР, но и в Севастополе, в частности этим занимался представитель архитектурной школы Баку³ В. П. Мелик-Парсаданов, архитектор почти пятидесяти послевоенных построек города, остро ощущавший специфику этого южного региона [6].

Замысел и планировка

Представители самых разных городов СССР, приехавшие работать в Севастополь, стремились создавать целостную городскую ткань, с благоустроенными дворами, подпорными стенками и лестницами, системой внутрикварталь-

< Площадь Суворова.
Фото Н. Ю. Васильева.
2018

ных пешеходных связей, во всех случаях ориентируясь на ансамблевую застройку южного типа. Однако такая севастопольская традиция могла быть прервана. Первые эскизы серьезной перепланировки города были предложены за полгода до освобождения, осенью 1943-го. В новой застройке предполагались гигантские монументы, широкие эспланады, прямые перспективы и общий, почти столичный масштаб, чуждые реальной городской застройке и особенностям приморского ландшафта. Таким виделся Севастополь и М. Я. Гинзбургу и Г. Б. Бархину, участникам конкурса от Академии архитектуры и Наркомата обороны соответственно. Фактически город застраивался не столько на основании утвержденного в 1945 году генерального плана Г. Б. Бархина, сколько по его скорректированному и принятому в 1949 году варианту⁴. Реалистичность этого нового плана исключила гигантоманию [7], а высококачественная жилая застройка центрального городского кольца создала достойный фон для уникальных общественных зданий.

Как теперь стало известно, для сохранения своеобразия города В. М. Артюхов (заместитель первого послевоенного главного архитектора города) продвигал концепцию сохранения местного ландшафта и исторических памятников. Он яростно боролся в 1960–1970-е годы с централизацией архитектурного проектирования в СССР и смог добиться принятия весьма разумных решений, обусловивших преемственность в архитектуре Севастополя. Сам он отмечал: «Это совершенно новый, гораздо более радостный город. Множество зелени заполнило его. Город имеет свое лицо. Можно спорить о его облике, качестве архитектуры зданий, но нельзя отнять его своеобразия, единства и обдуманного ритма отдельных частей» [8]. Надо сказать, что эти строки были написаны в совершенно иной период, когда отказались от «излишеств в архитектуре», стали изучать надолго забытый авангард 1920-х годов и современную архитектуру Запада, а попутно и стали отрицать сам ансамблевый подход. К разработанному Артюховым Генеральному плану 1965 года был составлен и выверен полный список исторических и архитектурных памятников, и они были нанесены на схему Севастополя вместе с «образцовыми» жилыми районами⁵. Он и В. П. Мелик-Парсаданов, в то время глав-

ный архитектор Крыма, работавший с Севастополем с 1945 года, вместе с коллегами-инженерами написали перед Всесоюзным совещанием по градостроительству 1960 года статью в «Рабочую газету». Ее название «Типовой проект – не икона» говорит о резко обозначившейся проблеме безликой типовой массовой застройки [8].

Целостность

Надо сказать, что эстетика раннего модернизма, убедительно проповедуемая Ле Корбюзье, увлеченного средиземноморской архитектурой, вовсе не чужеродна крымскому ландшафту. А в Севастополе яркий солнечный свет и сложный рельеф местности (балки и гребни водоразделов), обуславливающие видимость зданий с больших расстояний, стали важнейшими факторами в работе архитекторов. Так было во все времена и во все стилистические эпохи. Открытость, взаимопроникновение пространств, осваиваемое в эпоху авангарда, кроме очевидных новаторских приемов, хорошо известных по проектам и русских конструктивистов, и передовых архитекторов Запада довоенной поры, несли в себе отказ от важного принципа исторической архитектуры – стилистического единства. Как известно, для ренессансной и барочной архитектуры чрезвычайно важна была именно категория целостности, понимание здания и ансамбля как своего рода единого организма, нерасчлняемого объекта. Но модернистский отказ от единообразия стилистики в угоду проектированию «зданий-артефактов» не противоречил стремлению опытных зодчих сохранить своеобразие уникальной среды Севастополя.

Целостность планировочной композиции этого приморского города на столь сложном рельефе не сводится к единичным зданиям, и сегодня еще сохраняется уникальность центральной части Севастополя. Однако многие считают, что только здания в ретроспективной стилистике обусловили красоту его исторического центра, и не видят важную роль модернистских объектов – Центрального рынка (пассажа), обелиска славы («Штык и парус»), памятной арки на въезде в город со стороны Сапун-горы⁶ и др.

В привычном представлении стилистический переход к декоративной архитектуре середины 1930-х годов при-

4. В основу этого проекта легли материалы обследования сохранившихся зданий, фундаментов, инженерных сетей, проведенного одновременно с разминированием и геодезической съемкой. Эта работа шла при Ю. А. Траутмане, главном архитекторе Севастополя в 1945–1948 годах, под руководством его заместителя и соученика по ЛИИКС – ЛИСИ В. М. Артюхова, руководившего в Великую Отечественную войну Отделением саперным батальоном на Ленинградском фронте [2, 8, 9].

5. Этот перечень, в форме пояснительной записки к чертежам Генерального плана (1967), был составлен в мастерской №1 КрымНИИпроекта (рук. И. Е. Фиалко) самим Артюховым и его ближайшими помощниками – К. В. Бутовой, главным архитектором проектов, и А. Н. Щегловым, научным сотрудником музея-заповедника «Херсонес Таврический».

6. Все это работы А. Л. Шеффера

> Площадь Ушакова.
Фото Е. Б. Овсянниковой.
2018

вел к обеднению и размыванию творческих индивидуальностей, между тем «ортодоксальный» конструктивизм явно нес слишком радикальную унификацию, недаром крупные мастера выработали иные форматворческие концепции, сейчас записываемые в ар-деко⁷. Перелом конца 1950-х годов в сторону модернизма выглядит в первом приближении как повторение истории: политические установки заставили вчерашних классиков перестроиться, между тем не так много проектов и построек можно назвать «неумелыми» и «ученическими» в рамках интернационального модернизма. Их классическая выучка и практика, очевидно, были достаточным профессиональным багажом для создания и в упрощенных формах выдающихся архитектурных объектов. Расхожая же постановка вопроса требует уточнения (переосмысления наследия «темных веков», подобного переоткрытию историками школы «Анналов» европейского Средневековья, считавшегося благодаря позднеренессансным теоретикам лишь веками дикости и варварства).

Здесь вырисовывается особенность, характерная и для массового сознания, и для современного поколения архитекторов, – отождествление классики только с каноническими архитектурными деталями и пропорциями, «навсегда» определенными Витрувием и ренессансными интерпретаторами пяти ордеров. Так, севастопольское творение выдающегося московского зодчего Л. Н. Павлова, известного гораздо больше московскими модернистскими постройками 1960–1980-х годов, – здание ЦКБ «Черноморец» – местные «специалисты» критикуют за «непонимание классических канонов». Меж тем ионический ордер, использованный Павловым и в здании ЦКБ «Черноморец», и в окружающих площадь жилых домах этой же организации, соответствует классическим пропорциям (2:17), при всех необходимых элементах визуальной тектонической системы. И лишь колонны венчающего квадратную башню бельведера сделаны более приземистыми (2:5). Обращает на себя внимание, конечно, тут другое: опоясывающие ротонду колонны снабжены базами и капителями с угловыми волютами и т. п., но ствол их расширяется кверху. Как и сокращенные по вертикали пропорции, сделано это, конечно, нарочно, и, кроме визуального обоснования, имеет

еще и отсылку к архаическим колоннам Крита и Микен. Эта реминисценция выдает в зодчем серьезного знатока истории, далекого от подражания и начетничества.

Вот что говорил по этому поводу Л. М. Поляков, строгостью которого пугали молодых архитекторов, начинавших в Севастополе свою карьеру после студенческой скамьи: «Я ленинградец, воспитанник Ленинградской академии архитектуры, воспитан на полном непонимании и презрении к русской архитектуре, на абсолютном западничестве. <...> Но я говорю, что я западник по воспитанию, а русский по душе, а когда я пожил в Москве, вдумался в чарующую логику этой архитектуры, то до чего смешны стали эстетствующие искусствоведы начала XX века. <...> Самое главное – абсолютно простая и ясная классическая логика построения объемов. Именно это характерно для русской архитектуры» [10, с. 107–108.]. На наш взгляд, эти слова можно отнести и к лучшим произведениям советского модернизма.

Проблема правомерности трансформации ордера, как известно, многократно изменявшего свой облик, и наиболее сильно – мастерами Средневековья и стиля модерн, обострилась в XX веке. И тут надо напомнить, что стилистика ар-деко с ее трансформированным ордером до сих пор только начинает осмысливаться применительно к архитектуре СССР, и неоклассику вполне правомерно трактовать и как радикально «правое» течение ар-деко, связи с которым здесь гораздо больше, чем с эклектикой [11].

В профанном восприятии решающее значение имеют детали, а не общие композиционные принципы. На фоне классицистической и весьма декоративной архитектуры (как бы ее ни называли) середины прошлого века даже выдающиеся произведения периода советского модернизма 1960–1980-х годов сохранить намного труднее из-за общепринятого неприятия лишенных декора строгих форм.

Композиционное единство архитектуры Севастополя смогли создать и поддерживать зодчие разного возраста и образования, полученного в разных городах и регионах [9]. Все они работали в стиле своей эпохи, со своим собственным почерком, интерпретируя неоклассические формы. Все они ценили удивительную специфику

7. Появление сначала упрощенной классики приписывают обычно неопытности и незнанию молодым поколением выпускников «прогрессивных школ» наследия, исключенного из учебных планов, что, конечно, чрезмерно упрощает картину.

^ Жилой дом Хлебозавода и Матросский клуб.
Фото Н. Ю. Васильева. 2018

^ Площадь Лазарева и здание ЦКБ «Черноморец». Фото Н. Ю. Васильева. 2018

городского ландшафта с изрезанным многочисленными бухтами морским берегом. Это выпускники ленинградской Академии художеств, реорганизованной в аналог московского ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа, и бывшего Ленинградского института гражданских инженеров (ЛИИКС – ЛИСИ) В. М. Артюхов, А. И. Гегелло, Л. М. Поляков, Н. Н. Сдобняков, Ю. А. Траутман, А. С. Уразов и др. Это и выпускники Училища живописи, ваяния и зодчества, реорганизованного во ВХУТЕМАС – ВХУТЕИН, А. В. Арефьев, П. В. Кумпан, Л. Н. Павлов, М. П. Парусников, В. П. Петропавловский, И. А. Самбутова, М. К. Ушакова, А. Л. Шеффер и др, выпускник МВТУ К. И. Соломонов. Это и выпускники Индустриального института в Баку В. П. Мелик-Парсаданов и М. И. Мелик-Парсаданова, а также учившийся в Харькове И. А. Брауде и др.

Среди них были мастера со сложившимися творческими концепциями, например выражавшимися в критике сдержанности архитектурного стиля 1930-х годов, и вчерашние выпускники вузов, чей творческий почерк еще не ярко проявился в первых самостоятельных проектах, но полностью соответствовал стилю эпохи. Так, очень существенна была ранее не принимавшаяся во внимание роль бакинца В. П. Мелик-Парсаданова, автора зданий самого разного назначения, а потом главного архитектора полуострова [6].

Сохранению разностильной, но высококачественной архитектурной среды мешает расхожее мнение о недостойном для архитектуры историзма модернистском фоне. Так получилось сегодня со зданием пассажа Центрального рынка архитектора А. Л. Шеффера – первого послевоенного модернистского здания города, «переходного» от одной стилистики в другую: внешние фасады несут следы классических принципов пропорционирования, членений, профилей, а интерьер основан на выразительности железобетонных конструкций большепролетного промышленного здания с зенитным фонарем и базиликальным планом⁸.

Проблемы охраны

Можно назвать классическим пример несоответствия учетной документации, оформленной в спешке при переходе наследия в российскую юрисдикцию. Так, превос-

ходное здание Матросского клуба (площадь Ушакова, 1, ныне Драматический театр им. Б. А. Лавренева) приписывается до сих пор малоизвестным авторам⁹, тогда как на самом деле его проект был создан в мастерской выдающегося ленинградского зодчего А. И. Гегелло в 1949 году с участием Л. С. Богданова и А. С. Гольдина [7].

Не было известно и то, что здание клуба задумывалось с неосуществленным открытым театроном на склоне холма, его асимметричная композиция обусловлена спецификой местного ландшафта и градостроительной ролью площади, к которой направлены главные улицы (Ленина и Большая Морская) и Исторический бульвар, и с учетом его видимости с отдаленных точек – от железнодорожного вокзала и берега Южной бухты. Составители паспорта не обратили внимания на чертежи с подписями действительных авторов проекта, как и на стилистику перечисленных форм [14]. Невозможно признать корректным документ, согласно которому границы территории памятника повторяют абрис стен Матросского клуба, хотя его террасированное окружение с балюстрадами было изначально заложено в проект Гегелло. В границы территории Матросского клуба и другого памятника, расположенной рядом Городской библиотеки им. Л. Н. Толстого (архитектор М. К. Ушакова, окончившая МАРХИ), не вошли ни их подпорные стенки с балюстрадами, ни лестница, без которой можно спуститься от этих зданий с Центрального городского холма на Красный спуск и к Железнодорожному вокзалу, откуда открывается уникальная панорама с этими памятниками и послевоенными жилыми домами.

Несмотря на то что о единствах архитектурных ансамблей такого рода думали в ходе проектирования представители разных архитектурных школ, которые профессионально занимались единым городским благоустройством, сегодня практикуется распределение по тендерам заданий на проекты их реставрации и капитального ремонта фасадов организациям из разных городов нашей страны без какой-либо координации и общего замысла. Несмотря на то что Матросский клуб был трактован Гегелло и его соавторами как часть важнейшего для города архитектурного ансамбля, вместе с жилыми кварталами

8. Отвергнутый этим старейшим архитектором города типовой проект стал официальной причиной вывода в 2019 году этого уникального сооружения из числа памятников согласно ангажированной экспертизе, несмотря на то что его интерьер был признан лучшим среди крытых торговых зданий Украины авторитетнейшим киевским зодчим И. Ю. Каракисом [12].

9. Недоразумение произошло даже несмотря на наличие в паспорте этого уникального произведения большого комплекта архивных чертежей с подписью Гегелло и его соавторов, видимо, потому, что во всей краеведческой литературе значится или Л. С. Богданов, или Л. Т. Киреев – главный архитектор севастопольской организации «Военморпроект-30», деятельность которого в городе нельзя преуменьшать. Вполне возможно, что и фамилия ленинградского мастера не была известна составителям современной документации [13].

> Застройка западной стороны Большой Морской улицы. Фото Н. Ю. Васильева. 2018

(спроктированными также под его руководством), зданием Городской библиотеки им. Л. Н. Толстого и благоустройством площади (выполненным в Севгорпроекте выпускниками МАРХИ В. П. Петропавловским и Г. Г. Швабауэром [7]), современное благоустройство ведется без учета единства решений, в том числе таких ключевых элементов, как подпорные стенки, балюстрады смотровой площадки, лестницы. Несомненно, необходимо включить эти объекты в категорию единого архитектурного ансамбля, из которого преступно вырезать отдельные куски.

Не лучше и ситуация с другими уникальными объектами, как и с жилой застройкой всего центрального городского кольца. Здесь каждый квартал имеет авторские архитектурные решения, даже при повторном применении некоторых проектов, как это можно видеть на примере жилых корпусов, спроектированных Л. Н. Павловым на площади Лазарева. Идентичность фасадов этих пяти жилых домов (проспект Нахимова, 10, 12, 14, улица Генерала Петрова, 2/6 и 1) не оказалась достаточной для того, чтобы в паспорте последнего из них был указан этот архитектор. Пятикратное применение одного проекта для создания целостного ансамбля – важнейший аргумент для трактовки всех перечисленных зданий как архитектурного ансамбля, ведущую роль в котором играет здание ЦКБ «Черноморец».

Естественно, необходимо включать в паспорта таких домов арки между корпусами, которые представляют собой неотъемлемую часть архитектуры, как и инженерные сооружения, от которых зависит устойчивость капитальных зданий – подпорные стенки, которые в Севастополе имеют не только декоративное значение, как и пешеходные лестницы, это – исторически сложившиеся части пешеходного каркаса, которые сохранились в ходе послевоенной реконструкции города, развивавшегося на основе прежней планировки.

К 2020 году разработаны многие проекты реставрации общественных зданий Севастополя и проекты капитального ремонта фасадов жилых домов центрального городского кольца. Все они выполнялись различными организациями из разных городов и рассматриваются в ходе утверждения в Севгорнаследии «поштучно», в отрыве от единой картины застройки улиц, в отличие

от комплексных проектов больших кварталов застройки второй половины 1940-х годов, что зафиксировано в письмах В. П. Мелик-Парсаданова, к примеру в письме от 18 февраля 1949 года: «Когда им поставил подрамники, они немного молчали, потом стал говорить [В. Д.] Голли, приблизительно так: «Очень живописно, очень интересно, с чувством сделано, но несколько поселково, не монументально ([Б. Р.] Рубаненко покривился в этом месте), не на магистрали большого города. Это все... (он подбирает слово, Рубаненко пустил шпильку ему, подсказав что-то вроде «ласкает взгляд»), он продолжил «да, ласкает взгляд» и т. д. (в этом месте все улыбнулись, слишком явно была шпилька)». [Л. М.] Поляков сказал, что все это производит на него приятное впечатление и вполне приемлемо (а он, надо сказать, гораздо более нетерпим и несколько догматичен, горяч, непримирим и очень строг), он указал на ряд деталей и т. д. Рубаненко подытожил всех остальных, он сказал, что последний вариант значительно лучше четырехэтажного, что найден интересный силуэт и образ жилья на юге и что вообще, как он выразился, «получаешь настоящее художественное, эстетическое удовольствие» [6]. Это относится и к созданному им самим ансамблю квартала № 26 (по прежней нумерации), представляющему целостный фрагмент застройки Большой Морской (напротив кинотеатра «Победа») и Одесской улиц, и к жилым кварталам, выстроенным по проектам персональной московской мастерской ленинградца Л. М. Полякова (с участием зодчих-москвичей Н. И. Гришина, А. З. Даниляка, Е. Н. Стамо, В. В. Пелевина, [?] Самойловой, К. И. Соломонова) в начале четной (западной) стороны улицы Большой Морской, в начале нечетной (восточной) стороны улицы Ленина и по всей нечетной (восточной) стороне проспекта Нахимова. Точно так же, как единые кварталы-ансамбли, были спроектированы дома и в конце Большой Морской улицы, и почти на всем протяжении улицы Ленина зодчими Ленгорстройпроекта (под руководством А. С. Уразова) и Ленгоринжпроекта (под руководством Ю. А. Зимарева).

Малые архитектурные формы во всех случаях остаются вне внимания, к чему это привело можно видеть уже воочию. В 2019 году, как и в начале 2020-го, севастьяпольцы стали свидетелями варшавской реализации программы

10. Эти работы ведутся архитектурным бюро Wowhaus во главе с Дмитрием Ликиным и Олегом Шапиро.

^ Библиотека имени Л. Н. Толстого и Матросский клуб.
Фото Н. Ю. Васильева. 2019

^ Малые архитектурные формы Приморского бульвара и восстановленное здание Дома пионеров.
Фото Н. Ю. Васильева. 2017

благоустройства на Большой Морской с наиболее ценной асамблевой застройкой. В ходе этих строительных работ были безжалостно сломаны подпорные стенки, балюстрады и пр. ради замены на гранитные элементы «московского» благоустройства, чуждые архитектуре этого белокаменного города¹⁰. Эти и многочисленные другие примеры показывают необходимость серьезной корректировки учетной документации и важность трактовки целых кварталов как архитектурных ансамблей с грамотной разработкой территорий памятников как комплексных, а не фрагментарных охранных зон. Именно это позволит повысить статус послевоенных архитектурных объектов до федерального и будет залогом более действенных мер охраны наследия.

Заключение

Послевоенные решения застройки центра Севастополя представляют собой сложившийся живой архитектурный организм, сохранивший по сей день целостность городской ткани и художественного образа. Вышло это благодаря не столько единым «творческим установкам» эпохи, сколько влиянию исторического ландшафта и климата, удачно подчеркнувших сильные стороны послевоенной неоклассики, попавшей наконец в «родные» условия. Усилия зодчих, выпускников разных архитектурных школ, сформировали единую «школу» послевоенного строительства, доказывая на деле примат важнейшего принципа обучения через делание, практическую работу. Для многих из них разработка концепций, выпуск чертежей, надзор, производимые в сжатые сроки, а иногда и параллельно, ввиду ускоренного восстановления города, стали «пропускным билетом» в круг крупных профессионалов, сравнительно безболезненно переживших стилистические переломы и идеологические повороты эпохи. Для понимания ценности и выработки охранных мероприятий необходимо не только осознание сложности стоявших перед проектировщиками той эпохи задач, но и реконструкция их образа мышления, методов проектирования, поиск общих для всех приемов и принципов.

Становится все более очевидным, что сложные теоретические вопросы оценки наследия, включая критерии ценности, методики определения предметов охраны,

составления регламентов и проч., напрямую влияют на практическую деятельность самых различных городских служб и организаций. Несомненно, надо сохранить планировочную структуру центра города, отреставрировать фасады домов, искаженные многочисленными пристройками и вывесками, испорченные окраской по натуральному белому камню, а также вернуть зданиям утраченные черепичные крыши. Но для этого необходимо повысить охранный статус таких объектов, переформировать их как архитектурные ансамбли, которые достойны стать объектами культурного наследия федерального уровня.

Литература

1. Шеффер, А. Л. Время вспомнить о былом. Воспоминания севастопольского архитектора о жизни и творчестве в минувшие 1940–2016 годы. – Севастополь : НПЦ «ЭКОСИ-гидрофизика», 2016. – 272 с.
2. Баглей, А. И., Артюхов В. М. Город-герой Севастополь. – Москва : Стройиздат, 1975. – 206 с.
3. Веникеев, Е. В. Архитектура Севастополя. – Симферополь : Таврия, 1983. – 208 с.
4. Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления/сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. – Москва : Комкнига, 2010. – 378 с.
5. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. О статусе здания Матросского клуба в Севастополе и авторстве его проекта // Architecture and Modern Information Technologies. – 2020. – № 1 (50). – С. 65–78 [Электронный ресурс]. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/1kvart20/PDF/04_vasiliev.pdf (дата обращения: 20.03.2020).
6. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Послевоенный город глазами архитектора. Письма Виктора Мелик-Парсаданова к жене Майе. 1945–1949. Архитектура Севастополя // Севастопольские известия. – 2004. – № 3; 2006. – № 5; 2007. – № 6; 2011. – № 10; 2012. – № 11 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/> (дата обращения: 20.03.2020).
7. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Архитектор В. М. Артюхов и его роль в формировании послевоенного облика Севастополя // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – № 2 (47). – С. 28–42 [Электронный ресурс]. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/01_ovsyannikova.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
8. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Основополагающий тезис архитектора Валентина Артюхова «Севастополь – город-памятник» // Севастопольские известия. 1992. – № 42. – С. 10; 1993. – № 43. – С. 10 [Электронный ресурс]. – URL: http://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/oktyabr_20181/n (дата обращения 10.03.2020).

> Главный фасад крытой части Центрального рынка.
Фото Н. Ю. Васильева.
2019

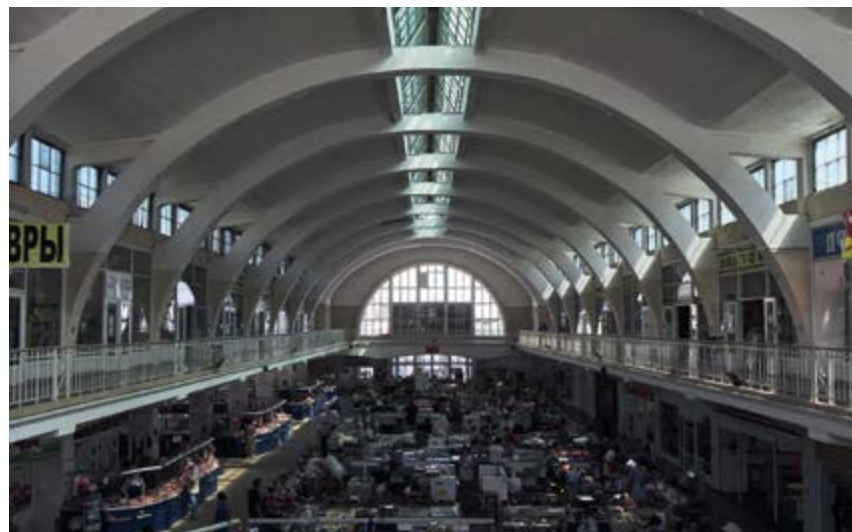

9. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Послевоенная архитектура центра Севастополя // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – № 4 (45). – С. 135–144. [Электронный ресурс]. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/PDF/08_vasilev.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
10. Полякова, А. Л. Архитектор Леонид Михайлович Поляков. – Москва : КДУ, 2008. – 119 с.
11. Малинина, Т. Г. Формула стиля. Ар-деко: истоки, региональные варианты, особенности эволюции. – Москва : Пинакотекa, 2005. – 303 с.
12. Ежов, В. Полвека глазами архитектора. – Киев : НИИ ТИАТ КНУСА, 2001. – 304 с.
13. Военные строителя Черноморского флота. Историческая хроника/под ред. П. Веселова. – Севастополь: Ахтияр, 1997. – 288 с.
14. Кириков, Б. М., Штиглиц, М. С. Архитектура ленинградского авангарда: путеводитель. – Санкт-Петербург : Коло, 2008. – 312 с.

References

- Bagley, A. I., & Artyukhov, B. M. (1975). *Gorod-geroi Sevastopol* [The hero city of Sevastopol]. Moscow: Stroyizdat.
- Ezhov, V. (2001). *Polveka glazami arkhitekora* [Half a century through the eyes of an architect]. Kiev: NII TIAT KNUSA.
- Kirikov, B. M., & Stieglitz, M. S. (2008). *Arkhitektura leningradskogo avangarda: putevoditel* [Architecture of Leningrad avant-garde: a guide]. Saint Petersburg: Kolo.

v Интерьер
Центрального рынка.
Фото Н. Ю. Васильева.
2019

Kosenkova, Yu. L. (Ed.) (2010). *Arkhitektura stalinskoi epokhi: opyt istoricheskogo osmysleniya* [Architecture of the Stalin epoch: historical comprehension]. Moscow: Komkniga.

Malinina, T. G. (2005). *Formula stilya. Ar-deko: istoki, regionalnye varianty, osobennosti evolyutsii* [Style formula. Art deco: sources, regional variations, peculiarities of evolution]. Moscow: Pinakoteka.

Polyakova, A. L. (2008). *Architect Leonid Mikhailovich Polyakov*. Moscow: KDU.

Sheffer, A. L. (2016). *Vremya vspomnit o bylom. Vospominaniya sevastopolskogo arkhitekora o zhizni i tvorchestve v minuvshie 1940-2016 gody* [It's time to recollect the past. Recollections of a Sevastopol architect about his life and creative work in 1940-2016]. Sevastopol: NPTs "ECOCI-gidrofizika".

Vassiliev, N. Yu., & Ovsyannikova, E. B. (1992; 1993). *Osnovopolagayushchii tezis arkhitekora Valentina Artyukhova "Sevastopol – gorod-pamyatnik* [A founding thesis of architect Valentin Artyukhov: "Sevastopol is a monument city"]. *Sevastopolskie izvestiya*, 1992, 42, 10; 1993, 43, 10. Retrieved March 10, 2020 from https://sevizakon.ru/view/prensa/gazeta/oktyabr_20181/n

Vassiliev, N. Yu., & Ovsyannikova, E. B. (2004; 2006; 2007; 2011; 2012). *Poslevoennyi gorod glazami arkhitekora. Pisma Viktora Melik-Parsadanova k zhene Maie. 1945-1949. Arkhitektura Sevastopolya* [A postwar city through the eyes of an architect. Viktor Melik-Parsadanov's letters to his wife Maia. 1945-1949. Sevastopol architecture]. *Sevastopolskie izvestiya*, 2004, 3; 2006, 5, 2007, 6; 2011, 10; 2012, 11. Retrieved March 20, 2020 from <https://sevizakon.ru/view/prensa/gazeta>

Vassiliev, N., & Ovsyannikova, E. (2018). *Sevastopol centre postwar architecture*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 4(45), 135-144. Retrieved March 10, 2020 from https://marhi.ru/eng/AM-IT/2018/4kvart18/08_vasilev/index.php

Vassiliev, N., & Ovsyannikova, E. (2019). *Architect V. M. Artyukhov and his role in post-war Sevastopol reconstruction*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2(47), 28-42. Retrieved March 10, 2020 from https://marhi.ru/eng/AMIT/2019/2kvart19/01_ovsyannikova/index.php

Vassiliev, N., & Ovsyannikova, E. (2020). *Protection status of Sevastopol Sailors Club building and its authorship*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 1(50), 65-78. Retrieved March 20, 2020 from https://marhi.ru/eng/AMIT/2020/1kvart20/04_vasilev/index.php

Venikeev, E. V. (1983). *Arkhitektura Sevastopolya* [Architecture of Sevastopol]. Simferopol: Tavriya.

Veselov, P. (Ed.). (1997). *Voennye stroitelya Chernomorskogo flota. Istoricheskaya khronika* [Military builders of the Black Sea Army. Historical chronicle]. Sevastopol: Akhtiyar.